

Борис
Соколов

В поисках
смысла

Борис Соколов

В поисках смысла

«Алетейя»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соколов Б. И.

В поисках смысла / Б. И. Соколов — «Алтейя», 2018

ISBN 978-5-907030-36-7

Перелистывая публикации столетней давности, трудно избавиться от ощущения роковой предопределенности событий, в которых действовала скрытая сила, весьма повлиявшая на распад империи, когда Россия, кровью умытая, погрузилась в хаос. Потрясения тех лет не могли кануть бесследно — эхо нам от них аукается и сегодня. Но мы-то сами разве сильно изменились? Нет, кардинально изменился мир с его ложным движением по пути так называемого прогресса. А мы по-прежнему не можем в целом сберечь свою самость, теряем голову от всевозможных завиральных идей и невообразимых соблазнов. К тому же все мы, земляне, до сих пор не удосужились принять решительные меры к достойному сохранению планеты, нашего общего Дома — к защите его от последствий глобальной «цивилизации», продолжающей с завидным упорством уничтожать природу. От всего этого не находишь покоя. И, словно к неотложной помощи, прибегаешь к памяти — к предкам, к их образу жизни, ко всему доброму, что они хранили. И хочется сохранить хоть что-то и в своих потомках.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907030-36-7

© Соколов Б. И., 2018
© Алтейя, 2018

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Борис Иванович Соколов

В поисках смысла

*Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...*
А. Пушкин

© Б. И. Соколов, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

* * *

Часть первая

Листая страницы

В своё время Россия слыва самой читающей страной в мире – и в этом не было преувеличения: газеты, тонкие и толстые журналы славились миллионными тиражами; не отставали и книги, для которых тиражи 50 – 100 тысяч экземпляров были не редкость. Читали повсюду (заметнее всего это было в городах): в электричке, в трамвае, в автобусе, в метро непременно попадались пассажиры с раскрытой книгой или с журналом в руках. Популярность таких, например, журналов как *Новый мир*, *Москва*, *Наш современник* была такова, что подписка на них нелегко доставалась.

С перестройкой, когда появилось множество публикаций, обнародывающих то, чего раньше в печати не могло быть, когда открылись архивы, – какое – то время продолжался настоящий бум, процветали всевозможные издания (появились и новые, например: *Слово*, *Кубань*, *Наше наследие* и др.). Но длилось это недолго – очень скоро всё сожрал алчный, ненасытный рынок.

Из страха, что бывшее роскошество может утонуть в необъятном море информации, как – то подзабыться, – возникает желание попытаться удержать хоть кое – что из этого недавнего ренессанса. Из публиковавшегося тогда цитировать можно бесконечно и приходится постоянно сталкиваться с проблемой отбора. Причём иногда цитаты и вовсе не требуют никаких комментариев.

Исполняется 100 лет со свершения двух революций, потрясших Россию. Но и по сей день неумолчное эхо тех грандиозных событий звучит в наших сердцах, всё не утихают споры – что же это было? Весна ли в Феврале? А в Октябре – что, осень? И хочется понять, как сказались всё это народам, населяющим край Земли самый большой по территории и самый суровый по климату.

В этом юбилейном 2017 – м году мы переживаем этап этакой *гегелевской триады*: 1917 год принёс с собой *отрицание* того, что было до этого, затем развитие пошло по кругу, с тем чтобы по истечении примерно одного срока жизни человеческой произошло *отрицание отрицания*, то есть другими словами случилось определённое *возвращение* к когда – то отвергнутому, но всё же в каком – то ухудшенном, карикатурном варианте.

В дневнике своём однажды я уже писал, что на переломе веков девятнадцатого – двадцатого была в империи скрытая – и очень опасная именно потому, что скрытая – сила, которая погубила Россию. И сила эта – интеллигенция. Надо сказать, что позднее по ходу дела она и сама себя подвергла репрессиям. (Но это, разумеется, не те её представители, которые активно участвовали в деятельности земств или учителя – подвижники, зачастую в нелёгких условиях трудившиеся на ниве образования.) Неожиданно, листая страницы изданий конца восьмидесятых и девяностых годов, получил я подтверждение своей – как я думал, крамольной – мысли от весьма компетентного современника трагических событий, написавшего о случившейся катастрофе уже в эмиграции.

Но прежде чем коснуться больной темы, следует прояснить, какой Россия была до этого.

* * *

Анализируя причины русской революции, философ Иван Александрович Ильин писал (как он упомянул в примечании, в основе «этой сводки лежат данные объективного и очень осведомленного английского источника»):

«К внешним причинам присоединились внутренние. Ни те, ни другие сами по себе не были достаточными причинами, но вместе – они довершили беду, и катастрофа разразилась.

В отличие от Франции, переживавшей перед своей большой революцией период упадка, Россия переживала в царствование Императора Николая Второго период бурного роста и расцвета.

За двадцать лет (1894–1914) население её увеличилось на 40 %; урожай хлебов возрос в одной европейской России на 78 %; количество рогатого скота возросло на 64 %; количество добываемого угля увеличилось на 300 %, нефти – на 65 %; площадь под свекловицей увеличилась на 150 %, под хлопком – на 350 %; железнодорожная сеть возросла на 103 %; золота в Государственном Банке прибавилось на 146 %. Бюджет Министерства Народного Просвещения увеличился на 628 %, число обучающихся в низших учебных заведениях возросло на 96 %, в средних – на 227 %, в университетах – на 180 %. Россия бурно строилась и расцветала; темп этого строительства значительно, иногда во много раз, опережал рост населения и мог соперничать с темпами Канады. Каждое следующее поколение имело бы всё лучшие и лучшие условия жизни...

Перед самым началом революции крестьяне составляли около 80 % всего населения страны. И вот, 79 % земель сельскохозяйственного назначения принадлежало трудовому крестьянству, и только 21 % этих земель можно было причислить к «капиталистическому» землевладению.»

(Иван Ильин, «За национальную Россию», Слово, № 5, 1991.)

«Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда – то (то есть вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...»

(Иван Бунин, «Окаянные дни», издательство АЗЪ, 1991.)

* * *

Итак – о роли интеллигенции в революции.

«Революция готовилась планомерно, в течение десятилетий; в известных слоях интеллигенции она стала традицией, передававшейся из поколения в поколение; с 1917 года она стала систематически проводиться по заветам Шигалёва и чудовищным образом закрепляться: она ломала русскому человеку и народу его нравственный и государственный "костяк"...»

(И.А. Ильин, «О революции», Слово, № 10, 1990.)

«Делала революцию вся второсортная русская интеллигенция последних ста лет. Именно второсортная. Ни Д. Менделеев, ни И. Павлов, никто из русских людей первого сорта – при всём их критическом отношении к отдельным частям русской жизни, революции не хотели и революции не делали. Революцию делали писатели второго сорта – вроде Горького, историки третьего сорта – вроде Милюкова, адвокаты четвёртого сорта – вроде А. Керенского. Делала революцию почти безымянная масса русской гуманитарной профессуры, которая с сотен университетских и прочих кафедр вдалбливала русскому сознанию мысль о том, что с научной точки зрения революция неизбежна, революция желательна, революция спасительна. Подпольная деятельность революционных партий опиралась на этот массив почти безымянных профессоров... Без массовой поддержки этой профессуры революция не имела бы никакой общественной опоры.»

(Иван Солоневич, «Великая фальшивка Февраля», Кубань, № 4, 1990.)

Примером того, на что была способна эта интеллигенция, может быть такой случай. Но прежде чем вспомнить о нём, позволю себе небольшое отступление.

Вообразим ситуацию, сложившуюся в развитом обществе: представим себе, например, европейскую страну конца века девятнадцатого, в которой могло бы произойти следующее:

некто – под благовидным предлогом, ловко затемняющим подлый обман – добивается аудиенции у высокого представителя власти и, когда тот собирается ознакомиться с поданным прошением... стреляет в него в упор.

Что должно последовать за этим в нормальной стране? Уходящий вглубь веков, ещё от римского права исторически сложившийся закон должен действовать однозначно: пойманный на месте преступник будет судим и неотвратно получит должное наказание.

Ну а теперь об имевшем место быть происшествии.

В ходе судебного заседания человеку, вышеописанным образом преступившему закон, судом присяжных выносится... оправдательный приговор, встреченный рукоплесканиями (!) – и преступник освобождается в зале суда! Случилась, можно сказать, такая *либеральная нелепость* мирового масштаба.

Выше изложены подробности дела Веры Засулич, имевшего место быть в конце семидесятых годов XIX – го века в столице (!) царской России и давшего всей Европе неслыханный пример «демократии».

Тут надо дать отчёт по поводу самого смысла случившегося. Что же это такое – милая, прекраснотушная компашка присяжных на суде вместе с присутствовавшими рукоплескательными? По сути – это срез тогдашнего общества, то есть яркие выразители царящей в нём атмосферы. Присяжные оправдывают террористку, покушавшуюся на представителя власти! И происходит всё это в то самое время, когда уже началась охота на самого царя (*освободителя*)!

Так можно ли было оставаться в уверенности, что после подобных чудес ничего не произойдёт с целой страной?

* * *

Как ни странно – и вопреки распространённым в западных странах сведениям, – Россия начала XX – го века была... либеральнее самой Европы! Мог ли, например, в Германии какой – нибудь деятель культуры, призвавший к свержению кайзера, остаться безнаказанным? Вопрос риторический.

Не то было в России, когда Горький, уже написавший «Песнь о Буревестнике» и, будучи в Нижнем Новгороде членом марксистского кружка, явившийся автором прокламации с призывом к борьбе с самодержавием, в феврале 1902 года... избирается почётным членом императорской Академии! Что ж, ошибку исправляют. Как водится, тут же следуют протесты (в том числе и от почётных академиков Чехова и Короленко), а сам автор по сути преступного деяния отделяется легко. Осталась в истории говорящая о многом, характерная ирония Николая II по поводу этого «избрания»: «Более чем оригинально».

Как же, однако, по – другому всё это видится с временной дистанции в целый век! Более чем оригинальным можно назвать как раз отношение самого императора к подобным вещам. И столь мягко шутить по такому поводу самодержцу огромной страны выпадет недолго...

Какая атмосфера царила в начале века XX – го в столице империи, когда в интеллигентской среде кружились головы от дарованной манифестом царя свободы, – красочно живописала остроглазая Тэффи в своих воспоминаниях (на склоне лет в эмиграции она сама с изумлением спрашивала себя: неужели всё это было?).

«Россия вдруг сразу полевила. Студенты волновались, рабочие бастовали, даже старые генералы брюзжали на скверные порядки и резко отзывались о личности государя.»

Упомянув, что в литературных кругах созрела необходимость создания газеты либерального направления с привлечением... социал – демократов, Тэффи, сама принявшая в этом участие, обрисовала, как 27 октября 1905 – го года появилась первая «Новая жизнь» с главным редактором Румянцевым – газета, которая пошла нарасхват.

«Газетой интересовалась, конечно, интеллигенция. Новизна союза социал – демократов с декадентами (Минский и Гиппиус), а к тому же ещё и Горький, очень всех интриговала.

В нашей роскошной редакции и начали появляться странные типы. Шушукались по углам, смотрели друг на друга многозначительно.

В газетном мире никто их не знал. В общем, все они были похожи друг на друга. И даже говорили одинаково, иронически оттягивая губы и чего – то не договаривая.»

(Мне тут вспомнилась старая фотография с членами рабочего кружка с Невской заставы, которым руководил одно время Ульянов – все они, как один, глядели в объектив как – то исподлобья).

И вот однажды...

«В приёмной нашей редакции сидел Румянцев и с ним ещё двое. Один – уже знакомый из «шептунов», другой новый. Новый был некрасивый, толстенький, с широкой нижней челюстью, с выпуклым плешивым лбом, с узенькими хитрыми глазами, скуластый. Сидел, заложив ногу на ногу, и что – то внушительно говорил Румянцеву. Румянцев разводил руками, пожимал плечами и явно возмущался. «Шептун» ел глазами нового, поддакивал ему и даже от усердия подпрыгивал на стуле.»

Что ж, этот «новый» – личность, понятное дело, с ходу узнаваемая, которая, явившись, моментально поставила всё на нужное ей место, подавив разводящего руками несчастного главреда.

«Хронику должны давать сами рабочие» – без абиняков заявил этот новый, которого звали Владимир Ильич.

«– А литературную критику, отчёты о театрах и опере тоже будут писать рабочие? – спросила я.

– Нам сейчас театры не нужны. И никакая музыка не нужна. Статей и отзывов ни о каком искусстве в нашей газете быть не должно. Только рабочие хроникёры могут связать нас с массами.»

Позже была попытка возразить по существу дела:

«– Но ведь нашу газету читают не только рабочие.

– Да, но те читатели нам не интересны.»

(Весьма красноречиво это его категоричное, повторяющееся «нам»...) Тэффи продолжает (не лишнее тут будет напомнить, что упоминает она не просто «город», но это – столица империи!):

«А жизнь в городе текла своим чередом.

Молодые журналисты ухаживали за молодыми революционерками, наехавшими из – за границы.

Была какая – то (кажется, фамилия её была Градусова – сейчас не помню), которая разносила в муфте гранаты, и провожающие её сотрудники буржуазной «Биржевки» были в восторге.

– Она очень недурно одевается и ходит к парикмахеру и вдруг – в муфте у неё бомбы. Как хотите – это не банально. И всё совершенно спокойно и естественно. Идёт, улыбается. Прямо душка!

Собирали деньги на оружие.

Вот такие небанальные душки приходили в редакции газет и журналов, в артистические театры и очень кокетливо предлагали жертвовать на оружие. Одна богатая актриса отнеслась к вопросу очень деловито. Дала двадцать рублей, но потребовала расписку.

– В случае, если революционеры придут грабить мою квартиру, так чтобы я могла показать, что я жертвовала в их пользу. Тогда они меня не тронут.»

Рассказала Тэффи, как в редакцию газеты пришел один тип, собиравший деньги на оружие «в большой бумажный мешок». Сама она от такой чести отказалась, зато оказавшийся

здесь английский журналист, сотрудник «Таймс», со смехом дал тому десятирублёвый золотой. А вскоре после этого она нечаянно увидела в дорогом ночном ресторане «собирателя», попивающего шампанское с дамой...

(Цитируется по Тэффи, «Он и они», Слово, № 11, 1991.)

* * *

Поистине странные чудеса творились в столице империи с интеллигентными дамами...

«О Коллонтай (рассказывала вчера Щепкина – Куперник):

– Я её знаю очень хорошо. Была когда – то похожа на ангела. С утра надевала самое простенькое платьице и скакала в рабочие трущобы – “на работу”. А воротясь домой, брала ванну, надевала голубенькую рубашечку – и шмыг с коробкой конфет в кровать к подруге (ко мне): “Ну давай, дружок, поболтаем теперь всласть!”»

(Иван Бунин, «Окаянные дни», издательство АЗЪ, 1991.)

Ну а об участии в тогдашних событиях самой Щепкиной с мужем так отозвался Евтушенко в своей Антологии: *«Весной 1917 года Польшов и Щепкина – Куперник предоставили свою квартиру для конспиративных встреч большевиков, от которых потом сами спасались во врангелевском Крыму.»*

А само это интеллигентское общество, погрузившись в новомодные поветрия, попросту разлагалось. О царившей в нём атмосфере убийственные воспоминания оставил Корней Чуковский: *«В 1905–1906 гг. был литературный салон у Николая Максимовича Минского на Английской набережной в доме железнодорожного дельца Полякова. Поляков (родственник Минского) предоставил поэту роскошную квартиру. Минский поселился там с молодой женой, поэтессой Вилькиной. Вилькина была красива, принимала гостей, лёжа на кушетке, и руку каждого молодого мужчины прикладывала тыльной стороной к своему левому соску, держала там несколько секунд и отпускала. Однажды пошёл я с нею и с В.В. Розановым на митинг. Когда ей нравился какой – нибудь оратор, она громко восклицала, глядя на него в лорнет:*

– Чуковский, я хочу ему отжаться!»

Этому можно было бы не поверить, если бы написал кто – то другой.

* * *

Вернёмся, однако, к Тэффи, продолжающей рассказывать, что дальше происходило в редакции «Новой жизни»:

«Замечая, какую роль играет Ленин среди своих партийцев, я стала к нему приглядываться.

Внешность его к себе не располагала. Такой плешивенький, коротенький, неряшливо одетый мог бы быть служащим где – нибудь в захолустной земской управе. Ничто в нём не обещало будущего диктатора. Ничто не выражало душевного горения. Говорил, распоряжался, точно службу служил, и казалось, будто ему самому скучно, да ничего не поделаешь... держа себя добродушным товарищем, он мало – помалу прибирал всех к рукам и вёл по своей линии, кратчайшей между двумя точками. И никто из них не был ему ни близок, ни дорог. Каждый был только материалом, из которого вытягивал Ильич нитки для своей ткани.

О нём говорили «Он».

– Он ещё здесь?

– Он не придёт? Он не спрашивал?

Остальные были "они".

Он никого из них не выделял. Зорко присматривался узкими монгольскими глазами, кого и для какой цели можно использовать.

Этот ловко проскальзывает с фальшивым паспортом – ему дать поручения за границу. Другой недурной оратор – его на митинги. Третий быстро расшифровывает письма. Четвёртый хорош для возбуждения энтузиазма в толпе – громко кричит и машет руками. Были и такие, которые ловко стряпали статейки, инспирированные Ильичом.»

«Друзей или любимцев у него, конечно, не было. Человека не видел ни в ком. Да и мнения о человеке был он довольно низкого. Сколько приходилось наблюдать, он каждого считал способным на предательство, на расчёт, на измену из личной выгоды. Всякий был хорош, поскольку нужен делу. А не нужен – к чёрту. А если вреден или даже неудобен, то такого можно и придушить. И всё это очень спокойно, бкззлбно и разумно. Можно сказать, даже добродушно. Он, кажется, и на себя смотрел тоже не как на человека, а как на слугу своей идеи.»

В газете стали появляться крамольные статьи и появились признаки того, что «Новая жизнь» со всеми её несбывшимися культурными проектами непременно прикажет долго жить – и всё это благодаря бурной деятельности Ильича. Но ему – то это было всё равно, ему не привыкать – не в первый раз и не в последний. (Позднее, уже после Февраля, газету возродит Горький под тем же названием, но и этой, второй, уже антибольшевистской, не суждена будет долгая жизнь:

она будет закрыта... тем же Ильичом. А Горькому будет даден добрый совет поехать подлечиться куда – нибудь за границу...)

Свой очерк Тэффи завершает так: *«...вся наша литературная группа решила уходить. Попросили вычеркнуть наши имена из списков сотрудников. В этой газете нам, действительно, больше уже делать было нечего.*

Просуществовала газета недолго, как и можно было предвидеть. Ленин поднял повыше воротник пальто и, так никем и не узнанный, уехал за границу на несколько лет.

Вернулся он уже в запломбированном вагоне.» (то есть был заслан Германией в Россию, по остроумной реплике Черчилля, – «как чумная бацилла»).

(Тэффи, «Он и они», Слово, № 11, 1991.)

«Боже мой, что это вообще было! Какое страшное противоестественное дело делалось над целыми поколениями мальчиков и девочек, долбивших Иванюкова и Маркса, возившихся с тайными типографиями, со сборами на "крвсный крест" и с "литературой", бесстыдно при-творявшихся, что они умирают от любви к Пахомам и к Сидорам, и поминутно разжигавших в себе ненависть к помещику, к фабриканту, к обывателю, ко всем этим "кровотийцам, паукам, угнетателям, деспотам, сатрапам, мещанам, обскурантам, рыцарям тьмы и насилия"!»

(Иван Бунин, «Окаянные дни», издательство АЗЪ, 1991.)

* * *

Оказалось, что противостоять в империи этому массовому, организованному и всемерно поддерживаемому интеллигенцией напору революционеров было некому. А.С. Суворин записал в дневник: *«У нас нет правящих классов. Придворные – даже не аристократия, а что – то мелкое, какой – то сброд.»*

(К этому стоит лишь добавить, что перед Первой мировой войной большевистская «Правда» печаталась в Петербурге легально!)

В самом деле: во время войны с Германией в российском правительстве с осени 1915 – го по осень 1916 – го года сменилось пять (!) министров внутренних дел, три военных (!) мини-

стра, четыре министра земледелия... В тяжелейших условиях страшной войны, как на переправе, «меняли лошадей»? Кто же это делал? Император? Свидетели событий, здравомыслящие современники утверждают, что это было трагическое затмение: советы Николай черпал лишь из одного известного источника.

Уже оставались считанные недели до Февраля. Один из тех честных людей, кто чувствовал приближение катастрофы, председатель IV – й Государственной Думы запросил у императора срочной аудиенции и 7 – го января был принят.

Обратившись к царю с горьким выводом, что он считает «положение в государстве более опасным и критическим, чем когда – либо», Родзянко, изложив отчаянное положение в стране: беспомощность правительства, опасную ситуацию и в армии, и в тылу, да и в самом обществе, – в завершение сказал:

«Точно умышленно всё делается во вред России и на пользу её врагов. Поневоле порождаются чудовищные слухи о существовании измены и шпионства за спиной армии. Вокруг Вас, государь, не осталось надёжного и честного человека: все лучшие удалены или ушли, а остались только те, которые пользуются дурной славой. Ни для кого не секрет, что императрица помимо вас отдаёт распоряжения по управлению государством, министры ездят к ней с докладом и что по её желанию неугодные быстро летят со своих мест и заменяются людьми, совершенно неподготовленными. В стране растёт негодование на императрицу и ненависть к ней... Её считают сторонницей Германии, которую она охраняет. Об этом говорят даже среди простого народа...»

(Слово, № 2, 1990.)

Родзянко отважно откровенен, но в этом деле он не первый, которого Николай просто трагически не слышит. Это было какое – то помрачение, рок. В тяжелейших испытаниях жизнь страны текла отдельно. Царская чета была вне её, фактически отсутствовала.

Во время последней своей аудиенции 10 – го февраля председатель Госдумы заявил царю, что – если не будет принято кардинальное решение в отношении правительства – может разразиться революция. Вероятно, это побудило Николая обсуждать с министрами вопрос об ответственном министерстве. Дума и правительство ожидали решения самодержца. Но он, получил, должно быть, от супруги «мудрый» совет, что армия ждёт своего героя – главнокомандующего – а в Петрограде с положением и без него справятся. И вышло так, что в самый что ни на есть критический момент Николай попросту уклонился от принятия необходимых мер, уехав в ставку.

О том, какое было отсутствие понимания настоящего положения дел у царицы, насколько она была «далека от народа», говорит следующее удивительное событие.

25 – го февраля весь Петроград был охвачен беспорядками – фактически началась революция. Из царского села Александра Фёдоровна отправила мужу в ставку письмо: *«Это хулиганское движение. Мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, – просто для того, чтобы создать возбуждение, – и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам.»*

(«1917–1987, Крах самодержавия», Огонёк, № 8, 1987.)

* * *

После Февраля весь 1917 год в столице империи было брожение, в народе царили и растерянность, и анархия, случился и расстрел июльской демонстрации. Лишь Ленин с группой заговорщиков твёрдо знали, чего они хотят. Осенью, в связи со слухами о том, что 20 октября ожидается «выступление большевиков» в газете «Новая жизнь» появилась резкая заметка Горького, протестующего против возможного повторения июльского кровопролития. Заканчивалась она так:

«Центральный Комитет большевиков обязан опровергнуть слухи о выступлении 20 – го, он должен сделать это, если он действительно является сильным и свободно действующим политическим органом, способным управлять массами, а не безвольной игрушкой настроений одичавшей толпы, не орудием в руках бесстыднейших авантюристов или обезумевших фанатиков.»

(«Нельзя молчать», *Новая жизнь*, № 156, 18 октября 1917.)

Складывается впечатление, что Горький всё же до конца не верил, что этот самый «орган» находится в руках авантюристов.

Нетрудно догадаться, в какую ярость пришёл Ильич от такой инвективы своего друга – писателя и, похоже, поручил дать отпор. Через два дня в газете «Рабочий путь» появился ответ с тяжёлой, ядовитой иронией, в котором Горький был заклеимён ренегатом и «дезертиром из рядов революции». Автором заметки был Сталин.

Как известно, слухи не были ложными – сам Ленин настаивал на выступлении именно в тот день, но восстание было отложено до 25 октября. Уже после переворота Горький опубликовал в своей «Новой жизни» о творящемся в Петербурге и в Москве такие заметки, которые по силе, наблюдательности, широте, горечи и праведном гневе превосходят «Окаянные дни» Бунина! И писались – то они не скрытно, не в спрятанном дневнике, а печатались публично, под носом уже у захвативших власть большевиков. И газета его была обречена. Благо, что всемирный авторитет не позволял власти с ним расправиться. Отправили подлечиться.

Но вот что удивительно. Не какому – нибудь там весьма подкованному классовому врагу, но прозревшему пролетарскому писателю хватило мудрости проникнуть в самую животрепещущую сердцевину трагических событий. И произошло это по одной причине.

Ни Ленин, ни его окружение, взявшие власть над народом русским, не знали его, его нужд и несчастий, так хорошо, как знал Горький – этот бывший босяк, исходивший пешком полРоссии, – который теперь откровенно писал в «Новой жизни» об отсутствии необходимого знания у правителей.

Из местных советов поступали письма наверх о положении дел на местах. Один из тамошних депутатов – меньшевиков писал 16 июня 1918 года:

«Если бы вы знали, что за атмосфера жгучей ненависти всего населения окружает Советы, и не столько в центрах, сколько в провинции... ненависть бушует среди обывателей, среди мещанства, среди мелкой городской буржуазии, среди доведенного до отчаяния крестьянства и среди рабочих... наступила пора общей апатии и разочарования: "ну вас всех, и большевиков, и меньшевиков, к чёрту со всей вашей политикой"».

(Владлен Сироткин, «Ещё раз о "белых пятнах"», *Страницы истории*, Лениздат, 1990.)

Говоря, что Ленин не знает, чем живёт народ, – Горький был не далёк от истины. Страшно далеки они от народа – эти слова Ленина о декабристах были сильным преувеличением, ибо они – то как раз знали свой народ лучше, чем автор этого утверждения. Выросший в городской интеллигентной семье и, по завершению учёбы, сделавшийся профессиональным революционером – теоретиком, он по существу всегда оставался горожанином, для которого жизнь подавляющего большинства крестьянского народа была чистой абстракцией, необходимой для теоретических построений (в таких понятиях – клише, например, как *кулак*, *бедняк* для него не заключалось никакого реального содержания) – о чём писал в своих публикациях пролетарский писатель.

В этой связи любопытны воспоминания одного питерского рабочего, большевика Василия Каюрова, о том, как он, в этот голодный восемнадцатый год, «явившись к Владимиру Ильичу, обрисовал ему в самых мрачных красках настроение крестьян, их отношение к большевикам.»

Прежде чем вернуться к беседе с вождём, не лишне будет показать, как принимали рабочего – по его же словам – эти самые крестьяне: *«...еду в Симбирскую губернию – на свою родину.*

Первая деревня от железной дороги – Коки. Останавливаюсь в ней. Прошу крестьянку поставить самовар. Безоговорочно ставит. Робко прошу дать кусочек хлеба, дают белого, горячего. Ещё пытаюсь просить яиц – отказа не получаю.»

Это по – своему красочное описание никогда не умиравшей в народе доброты и гостеприимства понадобилось ему лишь для того, чтобы показать, что крестьяне не голодают, но настроение у них тово... не понимают, отчего голод в столице и кто его устроил. Активный большевик Каюров изложил вождю, по пунктам, свои предложения по спасению «революционных завоеваний», одно из которых было: «бросить пролетариат в деревню». И в ходе беседы нечаянно обнаружил, что для Ильича это не новость: он давно об этом знает и, похихатывая, говорит, что надо сломать «хребет кулакам». И тут же набросал воззвание к питерским рабочим, как надо ломать этот хребет (Москва. Кремль, 12 – VII – 1918), чтобы поручить товарищу Каюрову отвезти послание в Питер.

В этом воззвании был призыв «десятками тысяч двинуться на Урал, на Волгу, на Юг, где много хлеба... Революция в опасности. Спасти её может только массовый поход питерских рабочих. Оружия и денег мы им дадим сколько угодно. С коммунистическим приветом. Ленин.»

Дальше автор воспоминаний живописует:

«На прощанье тов. Ленин сказал: Собирайтесь, тов. Каюров, организованно и поезжайте. Всё вам отдадим, что имеется на складах России. Уже теперь имеется у Советской власти колоссальное количество конфискованных товаров. Масса оружия, тысячи пулемётов лежат без движения, в особенности много в Вологде.»

Таким вот образом... За хаос и голод, обрушившиеся на Россию с приходом новой власти, должен был ответить... крестьянский народ. А уж для этого и сгодятся «тысячи пулемётов», которые – чистый непорядок! – «лежат без движения».

(Цитаты приведены из заметки Василия Каюрова «Мои встречи и работа с В.И. Лениным в годы революции», *Родина*, № 4, 1989.)

Что касается Горького – это уже потом, после смерти Ленина, Сталин пожелает приручить отступника, будет заигрывать с уехавшим всемирно известным писателем и прилагать усилия к его возвращению – ведь надо же было исправлять этот нонсенс, такой неудобный факт, что певец революции оказался выброшенным из страны...

Как сказало на Горьком это «приручение», похоже, не укрылось от наблюдательного Ромэна Роллана, посетившего СССР в 1935 году.

«До сих пор у меня перед глазами стоит лицо Горького, подошедшего с нами к автомобилю: как он бледен, какие грустные и ласковые у него глаза. Конечно, он очень добрый и слабый человек, он идёт против своей природы, совершает большое усилие, чтобы не осуждать ошибки своих могущественных политических друзей. В его душе происходит жестокая борьба, о которой никто ничего не знает.»

В этой дневниковой записи французский писатель выразил своё впечатление от прощания с Горьким при отъезде. Позднее он занесёт в тот же дневник: «Он очень одинок, хотя почти никогда не бывает один! Мне кажется, что, если бы мы с ним остались наедине (и рухнул бы языковой барьер), он обнял бы меня и долго молча рыдал.»

(Ромэн Роллан, «Наше путешествие с женой в СССР», *Вопросы литературы*, № 5, 1989.)

* * *

А. Авторханов, компетентный историк – человек, в своё время учившийся в Институте красной профессуры в Москве и в тридцатые годы работавший в ЦК ВКП(б) и лично знавший деятелей самого Политбюро, – так охарактеризовал некоторых всесильных персон и саму подоплёку Октябрьского переворота.

«Радека я несколько раз слушал в 1934 – 36 годах в Комкадемии на Волхонке... Радек был гениальным авантюристом в большой политике. Это он, закадычный друг и ученик Парвуса, доверенный и орудие Ленина, стоял за спиной Ганецкого, через которого немецкая разведка в лице Парвуса финансировала революцию Ленина. Поэтому Радек был единственным человеком после Ленина, знавшим не только всю подноготную подготовки Октябрьской революции, но и её финансовой базы. Недаром на выборах в ЦК после революции по количеству голосов он шёл вслед за Лениным, впереди Троцкого, Зиновьева, Каменева, Сталина... Партия, конечно, ничего не знала конкретно об истинной роли Радека, но она догадывалась, что, если немецкое правительство было финансистом, Парвус посредником, Ганецкий кассиром, то Радек был "Главбухом" Октябрьского переворота, над которым стоял только один Ленин. Никто из них не был настолько идиотом, чтобы давать расписки за немецкие миллионы (кстати сказать, некие историки выдвигают аргумент: раз их нет, этих расписок, – значит и денег никаких не было)... Такая революция должна была подготовить военное поражение России. Здесь интересы кайзера и Ленина шли рука об руку.»

(А. Авторханов, «Утопист Бухарин и реалист Сталин», Слово, № 3, 1991.)

Как замечательно была осуществлена печально знаменитая акция – безопасное и комфортабельное путешествие (персон, по сути, вражеских) через Германию в plombированном вагоне, написал Владимир Бурцев в статье «Наше несчастье и наш позор», напечатанной в газете «Общее Дело» 16 октября 1917 года:

«Вильгельм II сделал то, чего в его положении никто, никогда, ни для кого не делал: он через свою территорию пропустил подданных воюющей страны... Проклятый Вильгельм хорошо знал, что он делал!»

(Кубань, № 6, 1990.)

* * *

После падения самодержавия обозначенный Сувориным сброд, но уже не дворянский – другой, из низших слоёв, выявил тенденцию плодиться, но в какие – то исторические моменты мелким назвать его было трудно, ибо сам о себе он так не думал.

«Поезд Наркомвоена 8 августа 1918 года состоял из 12 вагонов... работу фактически одного Троцкого обеспечили 232 хорошо обутой, одетых, накормленных человека.» (Тут следует добавить, что «народный комиссар» передвигался под защитой броневика и отрядов: пулемётного, боевого морского, латышского стрелкового полка, кавалеристов – в общей сложности в количестве 85 человек.)

А у императора Всея Руси, пожалуй, подобные вещи выглядели скромнее: поезд был из 8 вагонов и сопровождающих скорее всего было раза в два меньше.

(Данные взяты из Военно – исторического журнала, № 9, 1990..)

* * *

Понять немудрено, что случилось в дальнейшем со страной.

«Если истребили дворян – помещиков, т. е. старый русский культурный класс, одаривший мир Пушкиным, Грибоедовым, Гоголем, Тургеневым, Гончаровым, двумя Толстыми и прочими deis minoribus; если истребили офицеров, на которых держалась военная мощь, в значительной мере и умственная; если уничтожили бюрократию, которая составляла спинной хребет русской национальной организации; если вылучили русских торговцев и промышленников; если зарезали интеллигенцию – новый культурный класс России, шедший на смену дворянству; если карательными отрядами выжгли хозяйственного мужика, базис мощных низовых русских соков, зародыши будущего культурного класса; если уничтожили Императорскую

фамилию, т. е. символ национальной российской государственной структуры, то спрашивается: что осталось от русской нации в смысле "старого мозгового вещества"?»

(Василий Шульгин, «Что нам в них не нравится», *Кубань*, № 12, 1990.)

* * *

В 1918 году Владимир Воейков, последний дворцовый комендант императора Николая II должен был скрываться – его искали, ему угрожал арест. В результате он вынужден был спасаться бегством на юг и оказался в оккупированном немцами Киеве. В Петрограде его жена была взята в заложники и какое – то время содержалась под арестом.

Поразительные лики революции высвечиваются иногда в бесхитростных свидетельствах переживших её, когда у кого – то вдруг раскрывается душа и неожиданно проявляются истинные чувства человеческие. Воейков в своих воспоминаниях пишет, что приключился с его арестованной женой такой эпизод.

«Однажды, когда чины караула были посланы для арестования одного генерала, оставшийся в караульном помещении красноармеец вступил с женою в откровенную беседу: полушёпотом он рассказал ей о своём былом житье на фронте, об эпизодах боевой жизни; и вдруг преобразившись из красноармейского разгильдяя в дисциплинированного солдата старых времён, он с большою гордостью поведал о том, что у него имеется Георгиевский крест 4 – й степени, который ему приколот к груди сам великий князь Николай Николаевич. На вопрос, отчего он его не носит, солдат с глубоким вздохом ответил, что не такие теперь времена. О преследованиях офицеров и массовых расстрелах он говорил с громадным возмущением, находя, что среди офицеров было много прекрасных, горячо любимых солдатами людей... Последние слова он произнёс совсем шёпотом.»

Далее Воейков касается дел киевских. (Правда, чисто «киевскими» их не назовёшь).

«Многолетняя работа Австрийского генерального штаба по подбору подходящих элементов для распространения идей "украинизации" Малороссии увенчалась явным успехом в дни заключения так называемого Брест – Литовского мира (согласно которому территория Малороссии отторгалась от России в пользу Германии).»

«Ещё в начале 1915 года в Германии под председательством одного отставного генерала образовалось общество "свободной Украины" – так назван был союз германских ревнителей украинского освободительного стремления; в его составе можно было встретить и депутата австрийского рейхстага, лично с Украиной ничего общего не имевшего. Первое, полученное мною от Украины впечатление: германская государственность в русской обстановке. В Киеве и Липках почти на всех перекрёстках стояли столбы с обозначением направлений к различным административным учреждениям германского штаба; жители столицы не имели права ходить по улицам Липок, не имея в кармане немецкого "аусвайса"»

Не могла остаться в стороне для мемуариста фигура гетмана.

«Близко знавшие Скоропадского говорили, что ему не были дороги ни Малороссия, ни Великороссия (несмотря на десятилетнее его пребывание в свите государя императора), ни русский народ, а нужна была одна Украина, независимая от России, как он сам сказал в минуту откровенности – на положении королевства саксонского. Он старался угождать и монархистам, и украинцам, и немцам, и союзникам, в результате чего получалось отсутствие доверия и уважения к нему.»

Бывают же такие говорящие фамилии, когда в самом имени человека сокрыта какая – то едкая ирония. Скоропадскому, скорость падения которого и в самом деле была предрешена, повезло лишь в одном: не попасть в петлю петлюровскую. А ведь угодил бы в неё, если б не пришло спасение от германцев.

* * *

Многие из тех, кто не предвидел последствий и в своё время призывал крестьянскую Русь «к топору» и в катастрофе, по счастью, избежал топора и был выброшен из страны, озлобились в обманутых надеждах и принялись поносить эту самую Русь.

Пройдёт полвека, сменятся поколения, но какие – то черты той интеллигенции (по Соловьеву – второсортной) останутся живучими, неизменными.

Княгиня Зинаида Шаховская, эмигрантка из России первой волны, так отозвалась о подобной публике, которую она довольно хорошо узнала: *«попав на Запад, где личина либерализма выгодна, некоторая часть новоприбывших советских интеллигентов самоопределила себя "либералами", хотя и их высказывания, и их поведение подлинному либерализму совершенно чужды. Так же не либеральны и их печатные органы, например "Синтаксис", или недавно основанная "Трибуна". Я не веду какой – то список таких неубедительных "либералов" в кавычках, но трудно их совсем не заметить, поскольку все они имеют некое коллективное лицо; Кронид Любарский, Э. Эткинд, Е. Клепикова, её муж Вл. Соловьёв, А. Синявский, Б. Шрагин и др. Все они не только нетерпимы к инакомыслящим, но ещё и объединены русофобией. Не в коммунизме, а именно в России видят они опасность. Всё их беспокоит, даже самое нормальное и всё развивающееся стремление всех народов вернуться к своим истокам, найти свои корни должно быть, по их мнению, запрещено русским.»*

(Зинаида Шаховская, «О "либералах"», Париж, май 1983 г. Из журнала Слово, 1990.)

О своём пребывании в Москве в 1956–1957 гг. Шаховская написала книгу, экземпляр которой 13 мая 1958 года во время пресс – конференции был вручен генералу де Голлю. Через два дня он ответил ей следующим письмом:

Княгиня, Как жива и волнующа Ваша книга.

«Ваша» Россия есть то, что она есть, была тем, чем она была, будет тем, чем она будет. Во что бы её ни «одевали», ничто не может переменить её сущность, её сущность очень большого, очень дорогого, очень человеческого народа нашей общей земли.

Я был, Княгиня, тронут Вашей надписью и напоминанием о нашей борьбе.

Прошу Вас, Княгиня, принять уверение в моих почтительных и преданных чувствах.

ГЕНЕРАЛ ДЕ ГОЛЬ

Какое, однако, глубокое проникновение в самую суть существования такой страны как Россия! Вот бы почитать скупые строчки эти нашим антипатриотам и либералам всех мастей на сон грядущий... Вместо молитвы.

* * *

В юбилейный год (семидесятилетие Октября) в столице появилась необычная публикация, предисловие к которой, написанное журналистом Феликсом Медведевым, начиналось так:

«— Я хочу вас познакомить с человеком необыкновенной, фантастической судьбы, — сказала Белла Ахмадулина, — бывшей княжной. Увы, бывшей дворничихой...»

Знакомство состоялось. В предисловии Медведев кратко коснулся подробностей жизни княгини, пережившей многое, в том числе и аресты, — и делает акцент на том, что «многие задавали ей один и тот же вопрос:

— Неужели вы, Екатерина Александровна, так пострадавшая от Советской власти, можете ей всё простить? Ведь столько раз вы были под арестом.

— Ошибаетесь, — всякий раз отвечала Е.А. Мещерская, — Советская власть никогда не лишила меня свободы. Она всегда меня освобождала, когда люди без совести и чести писали на меня доносы. Вот и нахожусь я перед вами, неведимая, с советским паспортом в кармане.

И никакого счёта Екатерина Александровна истории не предъявляла. Послужным списком Советской власти, служением ей стали записи в трудовой книжке бывшей княжны, не успевшей получить образования. С четырнадцати лет она сама себе зарабатывала кусок хлеба. Наследница миллионного состояния, нескольких дворцов, бесценных духовных сокровищ, которые были переданы новой России, она мужественно шагала по ступеням трудовой жизни. Преподавательница пения, руководительница детского сада, концертмейстер в струнном оркестре, мастерица по плосковязальным фанговым машинам, мотальщица, штопальщица на швейной фабрике, переводчица с немецкого и французского, художница, модельерша, учётищица, чертёжница, сотрудница лаборатории, музыкальный корректор, дворник...

Никогда она ничего не просила для себя. Только для других.»

Чтение воспоминаний этой удивительной женщины греет душу. Человек и в самом деле уникальной судьбы, Е.А. Мещерская обладала, как и её мать, поразительной стойкостью и за всю свою долгую жизнь, вопреки невзгодам, не потеряла веры в добро. И в свои 83 года сохранила ясный ум и хорошую память. Среди её родственников было немало людей замечательных. Вспоминает она об одном из них — графе А.А. Игнатьеве.

«Лёша был удивительный по своей порядочности человек. Живя в Париже и пребывая в должности военного атташе царской России, он держал на своём имени в парижском банке около 200 миллионов рублей.

— Эти деньги России, они принадлежат русскому народу, — говорил граф Игнатьев, пересылая все 200 миллионов через товарища Красина в Москву. За этот поступок его любимый младший брат Павел стреляет в него, но пуля, не задев черепа, легко проходит сквозь верх фетровой, с начёсом, шляпы... Простреленную братом шляпу Игнатьев привёз из Парижа в Москву. Передавая интересные воспоминания, сидя в уютном кабинете, в своей квартире на проезде Серова, Лёша любил её демонстрировать гостям.

Несмотря на спасённую и переданную советскому народу царскую казну, инстанции ещё долго медлили и проверяли Лёшу, не давая ему права вернуться на Родину. За рубежом его уже давно окрестили «агентом Лубянки». Печать пестрела карикатурами на него.»

(Е.А. Мещерская, «Жизнь прожить...», Огонёк, № 43, 1987.)

Неисповедимы пути наши, Господи.

Сама жизнь таких аристократов как граф Игнатьев, княгиня Шаховская, княжна Мещерская подчёркивает позорное падение тех, кто считал себя «цветом нации» — этой самой другой, по Солоневичу, интеллигенции. Это о ней в своё время весьма нелестно отозвался Чехов — и был совершенно прав: эти люди, мнившие себя этакими «учителями жизни», из — за своего эго-

изма, вечного легкомыслия, напыщенности, нежелания по – настоящему проникнуться судьбами своего народа, – в конце концов послужили детонатором несчастий, постигших страну.

Весной 1918 года одному из типичных представителей этой интеллигенции В.В. Вырубову (видный земский деятель из дворян с университетским образованием, после Февраля – товарищ министра внутренних дел Временного правительства), заявившему, что революция была неизбежна, поскольку её делал народ, Бунин ответил так:

«Не народ начал революцию, а вы. Народу было совершенно наплевать на всё, чего мы хотели, чем мы были недовольны. Я не о революции с вами говорю, – пусть она неизбежна, прекрасна, всё, что угодно. Но не врите на народ – ему ваши ответственные министерства, замены Щегловых Малентовичами и отмены всяческих цензур были нужны, как летошний снег...»

О да, народ свой Иван Алексеевич знал не понаслышке, неизмеримо лучше всех прочих...

И вот уже сто лет минуло и сколько событий прогремело в отечестве, но каким – то роковым образом сохранилось до наших дней и прекрасно себя чувствует живучее племя либералов – другой интеллигенции.

Часть вторая

Одинокие мысли

24.04.2016

Вот так опустишься с печалью с заоблачных высот на грешную землю – и вдруг, глядишь, какой – нибудь сущий пустяк разбудит в тебе нечто, казалось бы, навсегда канувшее в забвение.

И какие бывают однако смешные дела! Совершенно заурядный поход в известное место с желанием, как в старину, приобрести чего – то для души приятного – лёгкого белого вина просто – напроосто ради его замечательного вкуса. Эдак берёшь бутылку и читаешь на этикетке: «Robertson – он, может, город и небольшой, но у него большое сердце. Объединены здесь 35 ферм, жители которых – виноградары в седьмом поколении – хранят любовь и уважение к земле, которые и заключены в каждой бутылке нашего вина.» (Вот такой привет с бутылочной этикетки из Южной Африки!) Ну как тут не купишь? А в голове тем временем рождается сомнение... Ну да, наученный горьким отечественным опытом, думаешь: написать – то на бумажке можно всё что угодно. Но как, чёрт его дери, написано! И возникает желание проверить. И вот итог: отличное лёгкое виноградное вино (не соврали, черти!). Мало того, вкус его напомнил, что во время оно (в шестидесятые годы прошлого века) наши украинские вина, совсем простые (такие, например, как «Наддніпряньске» или «Південнобєрєжнє») были ничуть не хуже! В то время профессиональное мастерство тамошних виноградарей (особенно крымских с их «Мускатом Красного камня») не уступало европейскому – почему и медалей немало нахватили на международных выставках. Нынче же следовало бы клеймо ставить не на этикетке, а на лбу сегодняшним прохиндеям.

И пошла в голове цепочка памятных деталей: одна такая бутылка (в продаже тогда были сплошь поллитровки) после денежной реформы 1960 – го стоила один рубль; за тот же рубль у баушки по соседству с общежитием можно было купить целый графин домашнего красного вина; стипендия была 45 рублей (бывшие 450); обед из трёх блюд (с приличным куском мяса – шницелем) в студенческой столовой стоил 70 копеек, по средней прикидке на месяц 21 рубль – на всё другое оставалось 24; вкуснейшее заварное пирожное в кофейне 10 копеек (по старому – рубль) штука; пообедать в ресторане можно было за 5 рублей...

«Ну что сказать, ну что сказать...» – напевали когда – то в каком – то водевиле.

Остаётся этот сумбур мой завершить следующим.

Снег, наконец, сошёл. В деревне нашей тишина, всё замерло в ожидании. Голые ветки деревьев недвижны, замерли, сосредоточены на таинственной внутренней работе. Через считанные дни почки на них буквально взорвутся. Но уже теперь появились первые, спешащие раньше успеть, экземпляры: сегодня Тамара принесла разбухшую, полураскрывшуюся почку.

3.05

Бог ты мой! В этом году исполняется уже двадцать лет довольно странному событию... В чужой стране, в заокеанском городе, стоял человек на автобусной остановке – и вдруг в его голове стали складываться стихи! Да ещё не на своём языке!

Всё это приключилось тогда со мной и завершилось впоследствии небольшим сборником стихов, написанных по – французски, который был издан в Париже.

Столь необычное увлечение заставило меня пристальнее взглянуть не только на то, что уже сделано во французской поэзии (я внимательно познакомился с ней от Вийона до Превьера), но и присмотреться к тому, чем она жива в современности.

И тут постигло меня сильнейшее разочарование.

Данное Богом человеку *Слово* попросту подвергается легкомысленному жонглированию; абсурд, бессмыслица правит бал; даже красота языка почему – то выброшена на задворки; поэты, словно играющие в камешки дети, составляют, складывают из слов случайные картинки... И происходит это, похоже, по всей земле.

Воцарилась мода на столь примитивное занятие. В городе Монреале сподобился я в то время посетить в одном кафе поэтический вечер, где тронутые сединой и большей частью молодёжь под пиво или бокал вина творили священнодействие: поочерёдно выходили к микрофону и читали слушателям свои творения, в которых, опять – таки, маловато содержалось хоть какого – то смысла.

Что там читалось!

В стихах молодые демонстрировали публике ершистость, грубый эпатаж, причём предлагалось это на довольно примитивном уровне – сердитая молодёжь бросала вызов обществу (так познакомился я с *рассерженной молодёжью* – термин этот вошёл даже в историю культуры).

Ах, как же это всё знакомо – ведь мы всё это уже *проходили*... Было всё это уже, было... Было в своё время и в Париже, было и в Петербурге, (когда Пушкина «сбрасывали с корабля современности»). И вот теперь снова?

Но тут, кажется, всё приобрело какой – то зловещий оттенок. Нельзя ждать добра от этой моды на фоне всеобщего падения не только культуры, но и грамотности.

4.05

Уже не один год (!) продолжают в отечестве пустые разговоры о том, как следует преподавать в школе литературу. Разглагольствуют с реверансами в адрес ученика, каким образом его, бедного, заинтересовать чтением. Толкуют о том, что нынче, мол, другие времена и даже что, если ребёнок не хочет читать, – то это его право...

Какой только чепухи не услышишь от современных педагогов! Нередко несмыслённое дитя и учиться не желает. Так что же? Предоставим ему *право быть неучем*?

А вот прочитал в «Литературной газете» (уж это просто похоже на чью – то неумную шутку), что некие «радикалы от педагогики» предлагают переложить, скажем, Толстого или Островского... на рэп (!) – чтоб их творчество было понятней подростковой аудитории...

Приехали.

Горе – педагоги разделили точку зрения глупой квочки – мамыши недоросля из комедии Фонвизина, защищавшей чадо своё от лишних хлопот: «Для чего знать географию, когда можно доехать на извозчике?»

Куда же зовут эти самые радикалы?

Пошлейшее, до ужаса примитивное, бормотание с покачиваниями, подёргиваниями, с обезьяньими размахиваниями растопыренной пятернёй родилось в самых диких низах чёрной Америки – это был просто плевок в адрес очень богатой, разнообразной негритянской культуры (грубейшее отрицание *своей* культуры). Изобретение того же сорта, что и мотня штанов, болтающаяся возле колен (в таких штанах и от полиции бегать сложно). Вот что такое рэп. И то, что по всем градам и весям подхвачен он был маргиналами всех мастей, говорит лишь о несчастье, в которое, как в трясиину, погружается современный мир.

И теперь с помощью этого «изобретения» нам предлагают *опустить* ещё одну великую культуру?

5.05

По каналу «Планета» показывали французский документальный фильм, посвящённый одной криминальной истории, в самом содержании которой кроется обвинение всему современному мироустройству.

В короткой фабуле, представляющей фильм, было изложено следующее. Некий Милле, будучи совсем молодым человеком, в 1954 году убил свою тётю. Посидел 20 лет в тюрьме. Освободившись, взял в жёны Фернанду... убил её, был возвращён в тюрьму. Отсидел, вышел (в возрасте 72 – х лет), повстречал Жизель. Насилие над ней снова закончилось тюрьмой.

Именно так – пунктирно, протокольно, бесстрастно – была представлена жизнь двуногого существа, вполне чудовищная. Из этого пересказа вытекает, что к преступнику – закоренелому рецидивисту! – применяют закон так же, как и для всех прочих. Однако по отношению *к кому* закон так странно снисходителен? К невоспитуемому убийце. Но жертвы – то его – чем же они – то провинились перед толерантным обществом, которое фактически помогло преступнику, чтоб они стали жертвами? Почему оно неспособно надёжно изолировать неадекватного субъекта и защитить своих граждан – в данном случае ни в чём не повинных Фернанду и Жизель?

Если человеческое общество уподобить некому живому организму, то можно сделать вполне определённый вывод: у него что – то случилось с мозгами.

10.05

В этой небольшой провинции Квебек уже насчитывается больше тысячи однополовых «семей», в которых содержатся... дети.

В *доразвивавшемся* до абсурда обществе никому – ни во властных структурах, ни в юриспруденции – почему – то не приходит в голову, что происходит очевидное поругание самого насущного, самого святого для выживания человечества – права ребёнка. Ему, как и во все времена рождённому единственной матерью от её связи с единственным отцом, взрослые дяди и тёти по каким – то *своим* бредовым мотивам, не спросив его, навязывают якобы родителей, создающих якобы семью.

О том, какие замечательные «семьи» – фактически в результате упомянутого насилия над детьми! – получаются от этого безобразия вещают в положительном смысле по телевидению, пишут статьи в газетах, помещают фотографии...

Вот на снимке двое парней – оба этикие крепкие, настоящие мужики, без малейшего намёка на то, что кто – то из них нашёл в себе нечто «женское». Довольно улыбаются, один держит на руках малыша... Смотришь на этих *мачо* – и становится не по себе: совершенно ясно, что никаких естественных причин к их союзу не было сроду, что педерастия их скорее всего *приобретенная*, то есть банальное следствие развращённости. Ну не заладилось, не повезло с прекрасным полом, а тут, по случаю, «повезло» соединиться друг с другом (и беда эта, к несчастью, среди молодых в современном мире показывает тенденцию к распространению, причём похожие истории с обратным знаком случаются и среди женщин). И теперь этим дружочкам подарили ребёнка на воспитание?!

А вот ещё одна «супружеская» пара: две дамы среднего возраста аж с двумя детьми, шестнадцати и девяти лет. И они рассказывают, какая у них есть замечательная семья. Поскольку в стране существуют праздники: *день отцов* и *день матерей*, читателям преподносится умильная вещь: девочка – подросток делает подарки матери в её день, а *другой матери* – в день отцов (!)... Девчонка с удовольствием, улыбаясь, подтверждает, что с этим делом у неё нет никаких проблем. И девятилетний пацан заверяет интервьюёршу, что для него – это нормально.

Не оставляет горестное ощущение, что всё это – сладенькая ложь.

Возникает простой, как мычание, вопрос. *Кем* вырастут в этих «семьях» несчастные дети, по сути эгоистически принесённые в жертву плотским удовольствиям взрослых? За какие грехи им уготовна такая судьба? И если существует общество защиты детей, почему оно не подаёт в суд на правительство, допустившего грубые нарушения права ребёнка на нормальное детство?

Впрочем, судя по всему, все эти вопросы останутся без ответа. Похожие репортажи – интервью с огромными фотографиями печатаются на первых страницах. – по существу рекламируется иной образ жизни. Представительница весьма сплочённого общества гомосексов и лесбиянок обнародовала в печати, что будет воплощена в жизнь программа, согласно которой на дюжине факультетов колледжей и вузов будут готовить педагогов, которые затем станут воспитывать отсталое, непросвещённое человечество...

11.05

Странные фигуры подвизаются на телевидении в России. Которым, похоже, и удержу никакого нет.

Станкевич, приглашаемый на многие передачи, из себя вовсю «корчит либерала». Этак разводя рученьками, он упорно гнёт свою линию по дискредитации внешней и внутренней политики страны, в которой он живёт и прекрасно себя чувствует. Причём, вальяжно разглагольствуя, этот достойный последователь демагога Горбачёва почему – то уверен, что никто не докопается до сути его хитрых уловок и подтасовочек.

Накануне посмотрел передачу (с Бабаяном), где прохиндей завёл речь об интересах России на Чёрном море, лукаво дав понять, что позицию правительства сам он вроде разделяет. Сперва было непонятно, чего это вдруг, ни с того ни с сего, пошла речь о славном море – что там за скелет спрятан в шкафу, помещающемся на плечах Станкевича? Но тут же ответ нашёлся: это Крым не даёт покоя либералу, хоть честно сознаться в этом он и побаивается. Рассказав (причём в деталях – сколько задействовано современных подлодок и кораблей – мол, соседи пусть озаботятся и остальной мир должен знать об этих происках) об усилении российского флота, он начинает... пугать возможным ответом со стороны соседей – не только Турции, но и Румынии, Болгарии и даже Украины, то есть он всех, кто его слышит в студии и в целой стране, не говоря прямо, наводит на мысль об эскалации напряжённости, которая может даже привести к войне, – к ухудшению обстановки, в чём, естественно, виновата только Россия.

Видать, у красная не совсем ладно с чувством юмора: ведь тут он, можно сказать, выступает просто в роли провокатора! Любой персонаж, имеющий отношение к указанной проблеме и услышавший речения Станкевича (хоть в Турции, хоть в той же Румынии, один из посланцев которой как раз был на этой передаче), спохватится: а и в самом деле, чего ждём – надо действовать, надо дать адекватный ответ на каждую единицу российского флота, да и американцев позвать...

А случись что, демагог – провокатор первый и завопит: вот видите, я же предупреждал! Да уж не с умыслом ли он всё это делает?

12.05

Во второй половине прошлого века происходило бурное освоение космоса, в чём соревновались две великие державы. Это дало свои плоды и для исследования со спутников самой земли: суши, океана, атмосферы. Техника этой работы постоянно совершенствовалась, что позволило добиться выдающихся результатов – в том числе и в прикладных вопросах, в делах земных. Например, в наше время со спутника с высокой точностью можно определить в океане координаты судна, попавшего в бедствие, чтобы обеспечить его спасение.

И вот парадокс: земляне продолжают напоминать свифтовских лапутян, взирающих в небеса и не видящих, что у них под ногами. По – прежнему огромные усилия направлены на космические проекты, а планета наша остаётся на втором плане.

Творятся немыслимые, запредельные вещи: и в России, и в Северной Америке не один год уже горят леса, чудовищные пожары распространяются на огромные площади, и борьба с ними затруднена из – за масштабов бедствия. И это сегодня, когда с помощью спутников можно с точностью зафиксировать само начало возгорания и задействовать существующие в

тех районах авиасредства для ликвидации пожара *в самом его начале*. Необходимо лишь спланированное рассредоточение в лесных массивах оснащённых авиацией специальных противопожарных центров (как это делается в населённых пунктах).

Но почему – то никто не торопится задуматься о заблаговременном выделении средств и создании подобной сети для спасения бесценного природного богатства, от которого зависит сама жизнь человечества.

13.05

Истинный творец понимает, сколь нелёгок путь творчества, и, как правило, сомневается в собственных усилиях. Бездари недоступны ни понимание этого, ни какие бы то ни были сомнения, её распирает наглость – всем этим богато так называемое современное искусство. Бешенство от неспособности к творчеству толкает бездарей на безумные выходки – в современном мире это принимает форму какой – то эпидемии. Подливают масла в огонь бессовестные деятели, мгновенно сообразившие, как на этом можно делать деньги.

14.05

Вот явилась невообразимая новость: Брейвик выразил... недовольство своим содержанием, письменно изложив какие – то придирки. (К слову сказать, в его распоряжении несколько комнат и то ли телевизор, то ли компьютер.)

Положим, этот, с позволения сказать, человек, хладнокровно – как на какой – нибудь банальной охоте! – отправивший на тот свет 77 себе подобных, до сих пор совершенно не понимает, кто он такой есть и как с ним по делу следовало бы поступить. Но не понимают и те, от кого это зависело!

Всё идёт к тому, что претензии недочеловека *будут рассмотрены* – и скорее всего удовлетворены, поскольку подобная процедура предписана законом...

Определённо мы живём в свихнувшемся мире.

20.05

В интервью «Литературной газете» поэт Олжас Сулейменов упомянул, как один выдающийся физик отреагировал на вопрос: «Что надо сделать, чтобы школьники лучше усваивали физику?» Учёный ответил: «Надо увеличивать количество уроков литературы.» (!)

Многие станут ломать голову над «парадоксом». А ничего странного как раз в его ответе нет. Одно другому не только не служит помехой, но – помогает! Как и знания математики и физики гуманитария, поскольку работа каждого полушария головного мозга стимулирует работу другого.

25.05

Известное дело: в мире нашем во многих областях мода порой меняется неожиданно, непредсказуемо. Хочется надеяться, что сегодня мы дожили до такого времени, когда уже скоро станет очень модным вид человеческого тела неискажённого, нетронутого, чистого... без единой татуировки, без колец и прочих дикарских надругательств над человеческим естеством. Глядишь, с новой модой этой и мы, русские люди, перестанем изображать себя такими всемирными попуасами.

31.05

Существуют в человеческой истории своеобразные последствия каких – то событий, восстанавливающие время от времени, можно сказать, *историческую справедливость* – последствия, наказывающие тех, кто однажды вознамерился нарушить установившийся на данный момент порядок мирового устройства. И в этом чудится даже некий мистический оттенок.

Кажется, больше всего это случалось в России (условно говоря, на пространстве от Карпат до Урала – да, впрочем, и дальше).

Атаковавшие её всей своей неисчислимой ратью монголы и поставившие славян на колени на целые столетия в конце концов получили отпор от своих данников, ослабели, подчинились, частью ассимилировались, частью остались в когды – то ими завоёванной стране отдельными вкраплениями, совершенно потеряв какое бы то ни было влияние на её судьбу.

Конечно, случилось это не сразу, процесс освобождения русских от гнёта был растянут во времени, но возмездие за нападение и перенесённые затем страдания неизменно приходило. Какое – то время распавшаяся Орда ещё досаждала бывшим побеждённым. Примечательна судьба Крымского ханства, при поддержке султана Османской империи беспрерывно опустошавшего южные области Московии, – в конце концов оно поплатилось своим исчезновением.

Упорные попытки Речи Посполитой посадить своего ставленника на престол московский закончились для её государственности, спустя годы, суровым наказанием: Польша надолго сделалась одной из провинций Российской империи.

В разные отрезки исторического времени и тевтоны, и шведы, и османы предпринимали попытки покорить русских – и получали отпор.

Наполеон, с юных лет испытывавший симпатию к России, но затаивший ревность и обиду после сокрушительного разгрома Суворовым лучших французских генералов в ходе итальянской компании, в конце концов нашёл повод показать свою силу уже не просто непобедимого полководца, но завоевателя империи... И в итоге лишился всего. Несмотря на то, что собрал он для нападения несметную армию, перейдя Березину, он подписал себе приговор.

В 1905 году, после несчастной войны, не отняла бы Япония у России половину Сахалина, через сорок лет не пришлось бы возвращать украденное да ещё с потерей кое – каких южных Курил. Не совсем хорошо, конечно, в данном случае поступил «русский медведь». Что поделаешь! Когда его будят нехоти, да ещё ему угрожая, он, защищаясь, способен на многое. Зная это, может не сто́ит его волновать?

Известно чем закончились подряд две попытки неуёмного прусско-германского духа одолеть могучего восточного соседа.

Одно время – в тяжелейший период Первой мировой – казалось, что это Вильгельму II-му вполне удалось: умелыми происками (и немалыми деньгами) Россия была выведена из войны и обрушена в революцию и гражданскую войну. Россия пошатнулась, но выстояла. Приски Германии ей аукнулись: надолго, как ей казалось, оккупированные немцами Украина и юг России воротились восвояси, а вирус революции, заброшенный в Россию вернулся к ней самой, заставив бежать Вильгельма, а страна погрузилась в хаос и нищету. Задавленная огромными репарациями, униженная (особенно французами, которые, кстати сказать, позже, в сороковом году, были наказаны немцами за унижения). Германия, кроме всех прочих бед, должна была терпеть у себя больше полмиллиона русских, против которых совсем недавно воевала. В ноябре 1921 – го года Алексей Толстой писал Бунину из Берлина: «Жизнь здесь приблизительно, как в Харькове при гетмане: марка падает, цены растут...»

После двух десятков лет замирения (срока ничтожного по историческим меркам) снова проснувшийся воинственный германский дух взялся за свой старый «Dtrang nach Osten» (натиск на Восток). Итог получился неслыханный: расчленение Германии на две страны, главным виновником которого оказалась... Россия.

Видно, и в самом деле, она, как говорили наши предки, земля *заговорённая*. И при всём том, похоже, покушениям на неё не видно конца.

01.06

В начале века XX – го Россия подарила миру величие русского гения, который проявился в двух разных началах: великий, неподражаемый песенный и актёрский дар (Шаляпин) и не

только литературный, но – казалось бы взявшийся ниоткуда – дар глубокого, мудрого постижения народной жизни (Горький, пусть даже к концу жизни и потерявший способность адекватно воспринимать происходящее, хотя... Что мы об этом по существу знаем?).

02.06

В какое, однако, одновременно смешное и грустное время мы живём. То и дело оно нам «дарит» из ряда вон выламывающиеся казусы, над которыми принимаешься хохотать. Но – прямо по Гоголю: сквозь слёзы. Горькие слёзы.

Не прекращаются в отечестве примитивно – обезьяньи выходки недалёких приверженцев всего западного. Вот, вроде джина из бутылки, является на свет божий тип, нахватавшийся сомнительных верхов современных наук и напрочь позабывший, кто он такой есть и откуда родом. Глава крупной *рекламной* фирмы, некий Журавель (эта птица, склевавшая где – то степень кандидата *исторических* наук, оказывается, преподаёт в МГУ(!) изобретённую – уж не им ли самим? – странную дисциплину под названием... «философия нейминга») разбежался гвоздить кириллицу, которая, как он считает, из – за отдельных букв выглядит «несуразно, безобразно» в сравнении со славной латиницей. Забавно, что чепуху мелет этот самый кандидат исторических наук, сама фамилия которого как раз плохо ложится на латиницу и ему, может статься, придётся просто перевести её на английский.

Проделки обезьяньи уже тшятся приобрести наукообразные формы. Что уж тут говорить о заполнившей наш мир тьме гламурных существ, певцов и певичек, изо всех сил стремящихся мяукать и пищать по – аглицки – это ведь и в самом деле какие – то инопланетяне, прибывшие с планеты обезьян, которые сильны лишь в одном: слепом подражании.

13.06

До немыслимых пределов дошла нынче невообразимая страсть обезобразивать своё тело всевозможными «украшениями». Смотришь чемпионат Европы по футболу – и вдруг придёт в голову, что не без труда отыщешь футболиста, у которого нет ни одной наколки. Мировой футбол, который смотрят и на стадионах, и по ТВ миллионы зрителей, плодит неисчислимых подражателей. Вот на голове волосы у одного из них в виде петушиного гребня, да ещё такой яркой раскраски, как у какого – нибудь дикаря из джунглей. На голове другого можно увидеть то ли выстриженное, то ли выжженное... тавро (!), подобное тому, какое применяют для маркировки животных скотопромышленники...

14.06

Народ жив песней. Покуда он поёт, не теряя веками сложившуюся песенную культуру, покуда в словах и мелодиях песен живёт самый дух народа – он жив.

Что же будет, если всё это исчезнет?

А ведь всё идёт к тому, чтобы исчезло. Телевидение, проникшее всюду, – этот гигантский спрут, охвативший щупальцами огромную страну; это чудовище, зомбирующее души людей, последствия от воздействия которого, по словам академика Капицы, опаснее, чем от ядерной бомбы; этот привычный в каждом доме, милый голубой экран множит повсюду другие «песни», стирая – как с магнитофонной ленты – всё, что веками бережно хранилось народом. Выросшие с таким ТВ новые поколения – каким «народом» станут они?

18.06

Из чего состоит наша жизнь?

Кроме известных обыденных вещей, еще присутствует в ней, ещё существует, ещё не уничтожена современным бытиём *роскошь человеческого общения*. Ну да, она – то не отменена,

но какие сюрпризы преподносит наша реальность образца двадцать первого века! Как реальность эта без спросу вторгается в жизнь, повергая в печаль, вызывая обиду за отечество.

В славном городе Питере, где протекла главная часть нашей жизни, где родились и выросли наши дети, побывали мы в гостях у стародавних знакомых. Гостеприимная хозяйка, её взрослые дети с друзьями (молодые семьи). Тёплая атмосфера, шутки и разговоры под шампанское, лёгкое вино... Перед нашим уходом хозяйка, решив сделать нам приятное, дорит бутылку дорогого коньяка; молодая пара – необычную армянскую водку «Гранат» (красивые бутылки, завлекательные этикетки... тут надо сказать, что мы давно уже не покупали ничего похожего). Вся драма в том, что, переполненные добрыми чувствами, они не знают, *что* там, внутри, содержится...

А на поверку выходит вот что.

Коньяк... С любопытством верчу в руках – и держать – то приятно! – плоскую, приземистую, из тёмного стекла, посудину. Кроме необычной формы, бросается в глаза ещё одна находка: в передней стенке выделана особенная фигурная вмятина специальной формы как раз для аккуратной, вклеенной внутрь, этикетки – этакое художество, творчество со вкусом, исполненное неким безвестным дизайнером, – а на ней надпись да не какая – нибудь там доморощенная, но на французском языке! MONT CHOCO (эпитет сокращён, переводится как *Шоколадная гора*), а под этим мелкой красивой вязью – L'âme de la France (*Душа Франции*). Можно понять нашу дарительницу – как не положишь глаз на этакое роскошество!

Что за чудеса, думаю. Надо же, черт его дери, изобретатели какие! И ведь немалые средства ушли и на дизайн, и, в особенности, на изготовление и производство нестандартных бутылок, этикеток и на окончательное оформление готовой ёмкости... Возникает естественное желание проверить, ради чего всё это сделано, *что* там, внутри, помещается и как «гора шоколадная» сочетается с этой самой «душой Франции»... Пробую – и словно получаю хороший удар под дых...

Резкий второсортный спирт, по всему видать, настоянный лишь для необходимой окраски на... кедровых орешках, вкус и запах которых никуда не делись! Оторопело хватаю бутылку, вчитываюсь в мелкий шрифт – произведено в Тольятти! Это что же, те, кто *произвёл* этот, с позволения сказать, «продукт» вполне уверены, что этакая наглость сойдёт в нашей стране? Молодцы... Ну а если вдруг попадётся какой – нибудь француз, вкусивший эту самую *Душу Франции*?

Взявшись за вторую бутылку, я уже начал своё исследование с этикетки, найдя, что водка произведена в Армении. Открыл с надеждой, ибо в прежние времена армяне вынынчивали, например, коньяк несравненного, непревзойдённого вкуса.

И что же? У этой армянской «водки» оказалось лишь одно достоинство: понюхаешь – и в самом деле приятный запах граната. И это всё, поскольку пахнет – то хорошая гранатовая эссенция. А основа – всё тот же второсортный спирт, как будто налито из одной и той же цистерны, что и пресловутый тольяттинский «коньяк».

Однако, что же это такое? Получается, что в немыслимых масштабах творится мошенничество – такое, когда немалые траты на бутылки и прочие издержки оказываются ничтожными перед фантастической прибылью (размер которой нигде, ни в каких странах, никому не снился) от использования cheapest промышленного спирта. Выходит, что кто – то держит всех нас за лохов, которым можно впарить всё что угодно под завлекательной вывеской. Вместе с возмущением охватывает чувство удивления: почему всё это остаётся безнаказанным?

26.06

По прошествии солидного времени, как видится сегодня то, что пережил мир во второй половине XX – го века?

Потрясающее изобретение, спровоцировавшее мощное, всеохватное поклонение – рок – энд – ролл, затем движение хиппи с неперменным free love, практически охватившее всю планету – всё это было по сути перековкой сознания, победой над религией, идеологией, внушало презрение к традициям, к семье, к нормальной жизни и, точно вирус, поразило послевоенное поколение чуть не по всей земле.

Плоды этого явления мы пожинаем до сих пор.

30.06

Перед последним и, можно сказать, с самых юных лет несчастным царём Николаем II – м императоры России Александр III – й, Александр II – й подвергались покушениям, но обогать, оклеветать и унизить их перед всем народом не удавалось никому из тогдашних революционеров. А уж это в полной мере было достигнуто позже по отношению к Николаю.

01.07

Никогда у меня не возникало желания читать гламурные журнальчики вроде «Каравана историй», хотя и заносило их к нам порой случайным ветром. Но тут зацепился – мелькнуло имя: Андрей Тарковский. Подумал: может, и в самом деле что – то интересное?

Не тут – то было.

При всём том что писание посвящено известному режиссёру, авторша текста (она долгое время работала его помощником) не преминула сообщить и кто был её мужем, и кому ещё она, кроме него, давала – и говорить обо всём этом она не постеснялась, хотя хорошо известно, как называются в народе такие дела. Повела она, разумеется, и о том, как Андрей не пропускал ни одной, случившейся рядом, юбки. И не упустила случая крепко лягнуть Ларису, тогдашнюю свою близкую подругу, а затем одну из жён Тарковского. А что касается личности самого творца известных в мире фильмов, то тут – нате вам – и массаж его спины; и как слабак Андрей стремился подражать *мачизму* своего друга Макарова; и как «Толик» Солоницын, ностальгируя, говорил ей, «Ольке», про котлеты за десять копеек, которыми их с Андреем подчевала первая жена Тарковского; и как настырная Лариса хотела сниматься в «Зеркале», как из – за неё он бросил своих друзей и вообще она могла, по её словам, «внушить ему всё, что угодно»; и как Тарковский парился в бане с... Маргаритой Тереховой...

Боже милостивый! Как же, однако, на наших глазах примитивно дешевет всё, что связано с нашей культурой!

08.07

С эстрадных подмостков беспрепятственно продолжается тупое, назойливое втюхивание бездарных поделок массовому зрителю. Ещё глупее, ещё карикатурнее мы повторяем западные «шедевры».

Началось это не вчера. Ещё в прошлом веке один английский журналист очень точно определил состояние музыкальной культуры в Европе, сказав о поразившем массы, как вирус, увлечении. По его справедливому горькому замечанию, повсюду Бетховена заменили грохот барабанов и истошные вопли джунглей.

И вот сегодня, бесцётно повторяя, нам «поют»: «она вернётся, она вернётся...». Или: «мои надежды и мечты – это ты...»

Нет смысла подробно копаться в содержании – его нет, есть пустой набор слов с назойливыми повторами и под один и тот же, ясно обозначенный и забивающий «музыку» ритм, которому позавидовал бы дятел:

туп – туп; ту – ту – туп...

туп – туп; ту – ту – туп.

Но вот кончилась одна «песня», пошла другая – и как будто с другой «музыкой». Но всё точно *под те же самые*, ничуть не отличающиеся – бьющие по голове удары!

Для того чтобы подняться до высот культуры, человечеству понадобилась не одна сотня лет. Песни народа, Моцарт, Бетховен... А вот опуститься можно в считанные годы.

16.07

Когда – то, в самом начале своей карьеры, кинорежиссёр Эйзенштейн возмутился воздействием на зрителя этого изобретения под названием *синема*. Воздействием, выраженным в своеобразном подчинении зрителя, несомненным влиянием на его сознание. В этом почудился ему обман, надувательство.

Но эти соображения в то время оказались мимолётными для начинающего кинодеятеля, скоро он сам оказался в полной власти нового, волшебного вида искусства и стал снимать фильмы, ставшие знаменитыми.

Целая эпоха минула с того времени. И сегодня, я думаю, что он, увы, как ни странно, был прав. Сегодня, как никогда раньше, зрителю преподносится – зачастую ужасно примитивная! – имитация, но имитация технически безупречная, порой даже очаровательная, становящаяся реальнее самой жизни. И человек незаметно, ничуть о том не подозревая, становится рабом выдуманного кем – то мира.

19.07

После ужасающего акта террора на многолюдной Английской набережной в Ницце (в самый разгар национального праздника 14 июля) и траурной паузы, 16 июля некий президент синдиката пляжных услуг и заодно владелец находящегося ниже променада ресторана вернулся к своим обязанностям. Парижская газета *Le Monde* поинтересовалась его впечатлениями о случившемся. Рассказав корреспонденту, как в тот день гуляющие с набережной, спасаясь от сумасшедшего грузовика, прыгали вниз, на крышу ресторана, падали возле входа в него и на пляжные зонты; как они набились внутрь помещений и за закрытыми дверью и ставнями прятались до двух часов утра, пока не прибыла полиция; как из 35 – ти человек obsługi пятеро чуть не подвинулись рассудком, не могли вернуться к работе и должны были обратиться к психиатру. Поведая, какой ужас испытал он сам и его подчинённые, когда они увидели заваленную трупами набережную и как пытались помочь выжившим, в итоге он... ударился в философию, заявив, что «сила жизни» загладит случившуюся драму. «Человеческая история демонстрирует, что жизнь всегда снова брала своё где бы то ни было... Надо прийти в себя, заглушить боль и принимать туристов иностранных, французских с улыбкой, – отчеканил он. – Дарить им желание приезжать и возвращаться в Ниццу.»

Увы, уши торчат у ресторатора... Денежки, денежки в голове застряли. Как видно у подобных типов особая психология. Улыбайтесь, господа, улыбайтесь! Что бы ни случилось... Весь облик этих представителей западной цивилизации в любых переделках неизменно источает благодушие. Как безмятежная улыбка на лице полного идиота.

26.07

Издавна западный мир кичливо называет себя свободным. Если бы было всё так просто: каким себя назовёшь – таким и будешь.

Свобода отражается в духе, менталитете народа. А этот самый дух непременно выражается в языке, в речи, в её строе. Например, если язык подчинён этаким жёсткой конструкции фразы и этот порядок слов неукоснительно руководит речью – что это значит? Это значит, что существует определённая *несвобода* самовыражения в тисках неких рамок, выход за которые непозволителен. И всё это присутствует не в какой – нибудь маловажной, второстепенной

сфере человеческой деятельности, но в самой основе человеческого естества, ибо *надо всем и прежде всего*, как известно, было Слово.

Как ни странно, подобной несвободе подвержены основные европейские языки.

Так какова же она, истинная свобода? Как оценить её проявление? Адекватна ли, подлинна ли она, если её нет в самой сердцевине народного духа – в речи, в словоизъявлении?

29.07

Три десятка лет минуло с начала перестройки...

Ах, что за время это было! У этого самого «нашего паровоза», который летел вперёд, стали тормоза отказывать. У народа уже появилась оскомина от навязчивой идеологии, а тут ещё в окно, когда – то Петром прорубленное, дул хороший сквозняк, от которого у многих закружились головы. Тут и музыка повсюду зазвучала *другая*, принесённая *оттуда* и песенки явились с *новым* смыслом.

*Перемен! Требуют наши сердца.
Перемен! Требуют наши глаза.
Перемен! Мы ждём перемен!*

Может, кто – то хочет чтобы мы в чём – то участвовали? Дудки! Делайте сами. А мы *ждём и требуем!* Открыто брошенный призыв вызывал сочувствие в народе, который желал этих самых перемен. Но мало кто тогда мог догадаться, что кумир молодежи пел о своём, о чём – то другом, близком таким же, как он сам, своему поколению: вы устарели, предки; тошнит от ваших правил; долой ваши скучные обязанности; долой запреты, долой моральный пресс; мы хотим музыки, танцев, хотим веселья, да и травку покурить неплохо... Юнцы ринулись за ним как потерявшие инстинкт крысы за дудочкой крысолова. Только тут пришёл он не откуда – то извне, но по сложившейся к тому времени всемирной тенденции он выдвинулся из их среды. Расплодившиеся, как грибы после дождя, рокеры звали туда же, а уж как восприимчива молодёжь к подобным призывам, как легко она поддаётся на лукавые приманки – о том и говорить излишне.

Пресловутое «влияние запада» безусловно имело место, но оно не было бы столь значительным, если бы не упало на благодатную почву – к этому времени уже появилось в стране целое поколение *неприкаянных*, ярким представителем которого и стал Цой. И то, что оно явилось – был, можно сказать, зов времени. А противоядия всему этому не нашлось.

Под простенькую, но завораживающую ритмическую основу Цой звал за собой, собирая толпы фанатов: *«пить пиво, вино... я смеюсь, когда мне говорят, что жить так нельзя... гуляю, что дальше – не знаю, я ничего не знаю... время есть, а денег нет – и в гости некуда пойти...»* Бездельник я. Вот я такой. Плевать! На всё наплевать: *«мои друзья идут по жизни маршем / и остановки только у пивных ларьков»;*

*Мама – анархия/
Папа – стакан портвейна!*

При всём том манера исполнения для всех песен была одной и той же – под неё подстраивалось интонационно, ритмически музыкальное сопровождение. Этот недостаток обратился в достоинство: устойчивое однообразие ярко заявило о себе и выделило его из всех остальных рокеров.

Все тексты песен – довольно бессвязное бормотание, перескакивание, назойливые повторы. Читать затруднительно, даже неловко. Но при исполнении им со сцены под эту самую завораживающую, сомнамбулическую, как из дудки индуса, мелодию – они воспринимались

по – другому. Юные существа балдели – ни к чему думать о жизни, не надо задумываться ни о чём. Словно опустился и поглотил их туман, в котором ничего не видать и ничего не поймёшь.

Человеку верующему от всего этого вполне могла бы явиться мысль, что только он – вредитель, нечистый дух, враг рода человеческого – только он мог напустить такой соблазн, столь сильно одурманивающий юные души.

Прошли годы – и туман рассеялся. И что же? Видно стало: там пустота. Печальны дела земные. С большим опозданием, кто – то очнётся, очухается от дурмана и поймёт, какому мощному влиянию подверглась молодость, какой соблазн сделал своё чёрное дело и оставил след, надо думать, даже не на одном поколении.

02.08

Когда – то мудрый финский писатель Мартти Ларни поделился с читателями интересным наблюдением, отметив, что некоторые особы женского пола божественный дар – любовь почему – то путают со щекоткой (что не свойственно даже животным и птицам, добавил бы я).

Нынче тех, кто так – то путает, похоже, развелось множество – оттого и чувства дешевле, и супружество трещит по швам; оттого и дети, ещё не родившись, уже обречены стать несчастными.

05.08

Как родилось произведение Куприна «Как я был актёром» более или менее ясно: творческим усилием воссоздан отрезок его собственной биографии. Но вот рассказ его «На покое»...

Много чего написано о творческом вымысле писателей. Но такое, что явлено в этом повествовании, – не соответствует обычным меркам: ни внешностей персонажей, ни их судеб, ни поведения невозможно вообразить, выдумать. Остаётся лишь поразиться наблюдательности и памяти автора и самой возможности (в результате посещений кого – то из знакомых?) оказаться свидетелем потрясающего бытия выброшенных на обочину жизни людей – возможности, кажущейся просто фантастической. Это какое – то волшебство.

12.08

Человеку, которого Создатель наградил способностью видеть то, чего не видят другие люди, – это приносит мало радости. Скорее она, эта способность, становится для него нелёгким грузом. Потому что существу живому, во плоти, тяжело тащить эту ношу. Она оказалась неподъёмной даже для царя Соломона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.